

ДЕВУШКА ИЗ БИРОБИДЖАНА

Кажется, это было совсем недавно. В биробиджанской музыкальной школе шел академический концерт, посвященный окончанию учебного года. В финале выступала выпускница Матильда Берова.

У рояля садится невысокая, черноглазая девушка с пышной кудрявой головой. В зале виден только ее бледный профиль. Она смотрит на своего педагога Сарру Исаевну Кульберг, которая в течении семи лет день за днем учила ее музыке. Обе – педагог и ученица – взволнованы.

Но вот из-под сильных пальцев девушки полились звуки вдохновенной музыки. Она играет «Времена года» Чайковского. Зал очарован и поражен высокой культурой и выразительностью исполнения. Ты то слышишь шелест падающих листьев, то напев пастушеской свирели, то видишь голые после жатвы поля и низко спустившееся над ними серое небо. Моросит мелкий дождик... Это «Осенние мотивы». Но тут же картина меняется. Зазвучала песня весны, и словно раздвинулись стены зала, открыв необъятный простор. Зацвели деревья, зашелестела листва, и, купаясь в синеве, заливаются жаворонки.

Все присутствовавшие на концерте почувствовали, что за роялем сидит музыкант с большим и ярким дарованием.

Это было четыре года тому назад, в страшную пору Великой Отечественной войны. Советская страна напрягала все свои силы, чтобы одолеть и разгромить врага, и могло показаться, что сейчас не до музыки... Но нет, и в эти трудные годы работали музыкальные школы, техникумы, консерватории, кипела творческая жизнь в крупнейших центрах советской музыкальной культуры.

Девушка из Биробиджана, Матильда Берова, поехала продолжать свое образование в один из этих центров – в город Свердловск.

Она намеревалась поступить в техникум и не сомневалась, что выдержит экзамен.

Ей велели зайти в концертный зал и сесть у рояля. Она исполнила ноктюрн Шопена, затем играла Чайковского, Баха.

Когда она кончила, директор долго молчал. У Матильды сильно забило сердце, в горле стало сухо, сухо... Неужели не выдержала, опозорила себя, школу, любимого педагога? Теперь ей придется вернуться домой, признаться в своей неудаче. Но все равно она своего добьется, не сейчас, так в будущем году...

Директор смотрит на нее чуть прищуренными глазами, он весело говорит:

- Знаете, девушка, вам здесь не место...
- Где же? – вспыхнула Матильда. - Куда же мне отсюда идти?
- В консерваторию...

Она не верила своим ушам. Ей хотелось еще раз услышать сказанное.

- Да, да в консерваторию, повторил директор. - С вашими знаниями вы смело можете поступить на первый курс Свердловской консерватории...

Она думала, что это сон. Ведь у нее только, семь классов музыкального образования, а чтобы поступить в консерваторию, надо закончить музыкальное училище.

Вот она стоит перед экзаменационной комиссией консерватории. Ее берет оторопь. За столом сидят знаменитые, всем известные мастера музыкальной культуры – профессора Нейгауз, Маранц, доцент Богомаз. Вряд ли они окажутся такими снисходительными, как директор техникума. Да и не надо ей никакого снисхождения. Сама бы она и не подумала поступать в консерваторию.

Мысль о том, что ее вынудили на этот отчаянный шаг, придает Матильде смелости. Она садится за рояль и сильно, уверенно, страстно, исполняет сложное произведение Бетховена, вариации Шумана. Кончив, она в изнеможении опустила руки и, повернув голову к своим экзаменаторам, встретила с добрыми, ласковыми глазами Марии Григорьевны Богомаз.

Матильду попросили выйти. Долгими показались ей минуты, когда она стояла в коридоре, ожидая решения своей судьбы. Потом ее позвали, и один из экзаменаторов сообщил:

- Вы зачислены студенткой первого курса Свердловской консерватории.

Не будь Матильда такой стеснительной, она бы разрыдалась от счастья. Но перед ней сидели известные музыканты, почетные, седые профессора, и дрожащими губами она только смогла произнести:

- Спасибо, спасибо...

С тех пор прошло четыре года. Матильда Борова уже перешла на четвертый курс. Минувший учебный год, как и все предыдущие, она закончила с отличными оценками.

Матильда получает высшее музыкальное образование под руководством Марии Григорьевны Богомаз. За эти три года она слушала концерты известных пианистов – лауреатов Сталинской премии и международных конкурсов – Якова Флиера, Григория Гинзбурга, Аптекарева и других. Она сама участвовала в публичных концертах и была удостоена второй премии.

На первом концерте для молодежи своего родного города Матильда Борова увидела много знакомых лиц. Ей улыбались, ей аплодировали, просили играть еще и еще. В зале сидели многие из ее подруг и товарищей, закончившие с ней вместе среднюю школу. Они тоже учатся в высших учебных заведениях и теперь приехали на каникулы. Через год многие из них вернутся в родной город инженерами, врачами, педагогами. Вернется и Матильда, но немножко позднее...

В вечерние часы, когда проходишь мимо музыкальной школы, слышишь мелодичную игру Матильды Боровой. Возле нее, чуть наклонив голову, сидит Сарра Исаевна Кульберг. Она может часами слушать свою бывшую ученицу, испытывая при этом невыразимую радость и гордость.

- Закончишь консерваторию, - говорит она Матильде, - и приедешь сюда, тоже станешь педагогом, как я...

- Нет, Сарра Исаевна, нет, извините, - ласково отвечает девушка. - Я буду учиться дальше, поступлю в аспирантуру. Я мечтаю стать большим

музыкантом. Ведь это зависит только от меня, ведь Родина дает мне такую возможность.

Сарра Исаевна обнимает девушку и в порыве взволнованного чувства говорит:

- Да, да, дорогая, пусть исполнятся все твои мечты...

Л. ВАССЕРМАН

РОДНОЙ ДОМ

Его звали Лейбе. Но больше он был известен по прозвищу Непоседа. В Тихонькую приехал с первыми переселенцами. Высокий и несколько нескладный юноша здесь как-то быстро возмужал и приобрел даже солидность.

Строитель по специальности, Непоседа питал необычный интерес к рекам. Он знал их все, даже самые маленькие, что встретились на его долгом пути от Днестра до Амура. О, от Амура Лейбе пришел в неопикуемый восторг:

- Шуточки! Сколько тут можно построить водяных мельниц! Да что мельниц – электростанций. А рыбы здесь... Нет, от такой реки Лейбе скоро не уйдет.

И он строил дома в Амурзете, потом в Бирофельде, Биробиджане. Что ж, Бира ему тоже приглянулась.

Областной центр был только в проекте. На единственной длинной улице стояли невесть кем построенные хибарки. Посреди красовалась... лужа, вернее, небольшое болото. Ветер чуть шевелил зеленую густую воду, и только черные пни, торчавшие по соседству, как не вырванные корни зубов, оставались неподвижными. Иногда поверхность лужи менялась – на нее падала нежная радуга, словно предзнаменование лучшего будущего этой невзрачной улицы.

Пресловутую, лужу не могли миновать ни возчики, ни водители грузовиков. Если застревала в болоте телега, ее кое-как вытаскивали, бросая под колеса доски, хворост, все, что можно. Ну а застрявшую машину можно было вытащить лишь при помощи трактора. Но он был единственным в городе, поэтому в пору летних дождей в луже, как правило, постоянно ночевали две-три машины, и жители называли ее «гаражом».

Вот к этому злосчастному месту и подошел однажды Лейбе. Поставил нивелирный аппарат, прищурил глаз... Жители хибарок оживились. Раз появился Непоседа, значит начнется строительство. Так оно и вышло. Лейбе и его товарищи в этот же день прорыли водосток, высоким забором огородили болото.

И тут поднялся невообразимый шум. Вокруг забора, как ошпаренные, забегали шоферы, извозчики. Возмущению, их не было предела:

- Каланча! Разбойник! – Это были далеко не худшие ругательства, адресованные Лейбе.

- Среди бела дня преградить дорогу! Принесло его сюда на нашу голову!

Не то еще было, когда стали сносить хибарки! Первой открыла рот тетя Бейле – грузная женщина в неизменно зеленом платье, от колен до подбородка хозяйки усеянном мелкими пуговицами.

- Перестань, - кричала она на всю улицу, - немедленно перестань! Чтобы я была так здорова, если тебе не придется за это ответить!

Лейбе, плотно надвинув кепку на самые брови, хранил невозмутимое спокойствие. Он и его товарищи молча делали свое дело.

И вдруг появилось новое лицо – девушка. Она останавливалась возле рабочих каждый день. Окинет внимательным взором площадку, словно отмечая, на сколько поднялась кладка дома за сутки, и, вздохнув, уходит... Странная девушка, и еще более странно, что первым обратил на нее внимание сумрачный, вечно чем-то измазанный Григорий. Не кто иной, а именно он дернул однажды прораба за рукав: Лейбе в это время задумчиво созерцал с высоты второго этажа вид на Биру.

- Чем рекой любоваться, взглянул бы поближе. Такое чудо рядом.

Непоседа, выплюнув недокуренную папиросу, глянул в указанном направлении и вдруг почувствовал себя словно скованным: состояние, в которое он приходил всегда от смущения. Девушка была действительно хороша: легкого, изящного сложения, чернокося и сероглазая. Лейбе машинально потянулся к вороту рубахи, чтобы застегнуть пуговицы, но, увы, на месте не оказалось ни одной... Григорий, усмехнувшись, посоветовал:

- Одолжи несколько у тети Бейле.

Оба продолжали разглядывать девушку, и она подняла на них глаза, приветливо улыбнулась:

- Вы что-нибудь хотите спросить?

Григорий просиял:

- Ну, конечно. Говорят, к нам должен прибыть эшелон девушек. Невесту хочу подыскать.

Девушка поддержала шутку:

- А я и есть делегатка с того эшелона – отбираю женихов. Будь вы почище, и на вас обратила б внимание.

Взрыв смеха показал, что за разговором следили и другие рабочие. Вместе со всеми улыбнулся и Лейбе. Громко смеяться он почему-то не мог.

- Может быть, поработаете у нас? – спросил он незнакомку.

Девушка вздохнула:

- Не могу. Я с фабрики. Скажите лучше, где здесь будут солнечные квартиры? На какой стороне?

Получив ответ, она ушла.

Дом рос. Не так быстро, как хотелось бы, но все-таки рос. Строители привыкли к визитам незнакомки. Но вот прошла неделя... Девушка исчезла.

- Может, болеет? – нерешительно заметил Григорий. – Надо бы поискать на фабрике. – И смущенно добавил: - я, между прочим, знаю, что ее зовут Хава...

А Хава действительно слегла. Пылают щеки, лоб, потрескались губы от жара. Временами девушка забывается в тяжелом сне. И тогда видит почти

одно и то же: родной дом... себя маленькой... мертвую мать на земляном полу – по старым еврейским обычаям покойников всегда ложили на пол перед тем, как вынести из дома... Слышит свой собственный плач. Потом умер и отец, и у Хавы не стало родного дома.

В той дальней зарубежной стране, откуда она приехала сюда, в этот новый город на Бире, рабочему человеку очень легко было остаться обездоленным и очень трудно вновь приобрести свой угол, свой пусть даже скудный кусок хлеба. На новой родине Хава нашла и работу по душе, и внимательных, добрых друзей. Только своей комнаты у нее пока еще не было.

Хаве не плохо и в общежитии, с хорошими подругами, и все же...

Вдруг в дверь постучали. На пороге показался Лейбе.

- Непоседа, - прошептала Хава. – Ведь вас так, кажется, называют?

Она протянула ему горячую руку, и Лейбе опустился на табурет возле кровати. И снова скрип двери: Гриша!

Григорий, у которого оказался сегодня необычно чистый костюм, увидев Лейбе, нахмурился: вечно прораб его опередит. Вот и сейчас догадался цветы принести. А у Григория только кулечек конфет.

Когда друзья ушли, Хава долго смотрела на фиалки в стакане свежей воды. Как близки ей стали эти почти незнакомые люди... И Хава улыбается: кажется... кажется, у нее будет здесь по-настоящему родной дом...

Девушки обрадовались, когда, придя со смены, увидели подругу веселой.

- Я скоро пойду на работу, - сказала она.

...С тех пор Хава стала часто встречаться с Лейбе. И почти всегда на берегу Биры. Ей было приятно, что рядом этот молчаливый парень, который так умеет слышать шум воды и пение сумерек.

Мечта сбылась: Хава держит в руках маленький кусочек железа – ключ. Первый ключ от собственной квартиры. Она входит в комнату, озаренную лучами заката. Даже вечером столько света! На улице осень, но девушка распахивает балконную дверь. По ровной дороге спешат машины – от лужи не осталось и следа. А с соседнего балкона ей улыбается тетя Бейле, и пуговицы на ее платье кажутся новыми, яркими. А возможно, и само платье новое. В сумерках разве разглядишь.

Потом Хава долго бродит по лунным дорожкам, украсившим пол, и... улыбается. Вдруг вспоминает: надо найти Лейбе, Григория, поделиться с ними радостью.

...Когда Хава вышла из подъезда, кто-то осторожно положил ей руку на плечо. Он.

Они посмотрели друг другу в глаза и засмеялись. Громко, счастливо. Они бродили по городу, уже уверенные, что он стал им родным, и лишь под утро вернулись домой. По комнатам блуждали тени рассвета. Лейбе сказал:

- Зажечь свет?

- Зачем? Уже восходит солнце...

(Перевод с еврейского).

ПОКОЛЕНИЕ СЧАСТЛИВЫХ

В светлом, словно Дворце культуры, фабричном корпусе чулочно-трикотажной фабрики работает моя старая знакомая Рива Абрамовна Поляк. Собственно, она вовсе еще не стара и выглядит куда моложе своих лет. Для меня она до сегодняшнего дня просто Рива Брайнделис. Это девичья ее фамилия, и фамилия ее матери – Гинды – первой стахановки Биробиджанской швейной фабрики.

Гинда Брайнделис... Мы познакомились в 1932 году, когда их семья приехала на станцию Тихонькая. Отца семейства звали Абрамом. Он работал столяром, а вечерами любил петь итальянские арии. Супруги, особенно Гинда, были знатными людьми в поселке. О них писали в газетах, рассказывали по радио. Рива в то время была трехлетней девчуркой. Город только начал строиться, Брайнделисы жили в бараке. Под одной крышей с ними ютилось еще пять семей.

Как быстро летит время! Теперь Гинда Брайнделис уже на пенсии, волос ее посеребрен сединой. А Рива, которую я помню пионеркой, комсомолкой, сейчас член Коммунистической партии, руководитель большого цеха современного предприятия.

Огромные, просторные корпуса, соединенные светлыми проходами. Ступеньки ведут на второй этаж. Здесь я встретила секретаря партбюро Маргариту Васильевну Сосновскую и председателя фабкома Сергея Моносовича Черновского.

- О Риве Абрамовне, - говорит Черновский, - есть что рассказать. Цех, которым она руководит, - передовой на фабрике.

Идем туда, но добраться не так-то легко: лестничные ступеньки, залы, коридоры... В широком окне виден чудесный пейзаж: зеленая сопка Тихонькая, река Бира, панорама строящегося города.

Черновский рассказывает о Риве Поляк. С первых дней работы на чулочно-трикотажной Рива Абрамовна была начальником отдела кадров. Потом ее избрали секретарем партбюро. Днем и ночью пропадала она тогда на фабрике, забыв о доме и семье – двух дочерях, муже и матери. Однако скоро Рива заболела и вынуждена была уйти с работы. Конечно, временно и не надолго. Не из тех Рива Поляк, кто сидит дома сложа руки.

На фабрике в это время создавался не совсем обычный цех, на который возлагались большие надежды. Название ему дали скучное: цех ширпотреба, а начальником назначили Риву Абрамовну. Она не отказалась. Новое, незнакомое дело. Это ей по душе.

А работа оказалась интересной: здесь готовятся кадры для большого бельевого цеха. И это главное. Кроме того, из отходов производства вырабатывают разные трикотажные изделия: трусы, рейтузы, носки, колготки и другие вещи. А в последнее время по предложению Ривы Абрамовны начали изготавливать купальники, на которые всегда большой спрос. За эту инициативу она получила премию. Новый цех за первое полугодие дал фабрике 3 350 рублей прибыли.

Как красиво здесь! Нельзя не залюбоваться яркой радугой тканей. Целая гамма цветов: оранжевые и голубые, желтые и зеленые, бордовые и красные. Рива Абрамовна выкраивает детские костюмчики, показывает молодым работницам, как их шить. Чувствуется: ее здесь очень уважают. За помощью к ней обращается то одна, то другая работница. Рива Абрамовна отвечает ясно и понятно. Здесь, возле сложных машин, она чувствует себя хозяйкой. Потому, наверное, тут во всем прямо-таки домашний уют и порядок. Веселые занавески на окнах, цветы на полочках делают просторный зал еще светлее и радостнее. На готовой продукции ни одной пылинки – работа вентиляторов.

И опять воспоминания...

1944 год. Бушует Вторая мировая война. Отец Ривы умер. Тринадцатилетняя девочка вынуждена идти работать. Тонкими, совсем еще детскими пальцами Рива шила

телогрейки, чинила шинели, гимнастерки для воинов. В этом же году она вступает в

комсомол, а через год комсомольцы фабрики избирают ее своим секретарем. И тогда, и

позднее, до самого 1952 года, когда она стала коммунисткой, Ленинский комсомол был для Ривы настоящей школой жизни. Она по сей день сохранила к нему самые теплые чувства...

Из воспоминаний меня вывел голос работницы цеха Аси Федоровны Албитовой. Она хорошо справляется с работой, очень быстро освоила технологию пошива и сдает продукцию хорошего качества. Ася Федоровна, немного смущаясь, рассказывает:

- Это благодаря Риве Абрамовне я стала рабочим человеком, а не так давно была просто домохозяйкой. До пятидесяти лет, кроме домашней работы, ничего не знала. Только теперь почувствовала я всю красоту настоящей, жизни, спасибо за это Риве Абрамовне.

А вот слова благодарности Елены Рафаиловны Фанеровой.

- Когда умер мой муж, я думала: настали для меня черные дни. А тут еще меня послали работать в цех ширпотреба. Ну, думаю, пропала, какой здесь заработок? К счастью, я ошиблась. Рива Абрамовна поручила мне интересный процесс. Я стала опытной гладильщицей и зарабатываю в месяц до 150 рублей...

Так же тепло отзываются о Поляк ее бывшая ученица, а теперь бригадир Людмила Матвиенко, рабочий Иван Денисович Сиротенко и другие.

О Риве Абрамовне, о ее умении воспитывать молодых работниц можно поведать много. Она часто рассказывает им о своей комсомольской юности, о том, как самоотверженно трудились комсомольцы военных лет, а потом залечивали тяжелые раны, нанесенные стране войной. Эти беседы никого не оставляют равнодушными.

Часто летними вечерами на площади возле обелиска Ленину можно видеть Риву Абрамовну Поляк и ее двух дочерей – Нелли и Любу. Все трое стройны и выглядят словно сестры, Рива Абрамовна – коммунистка, Нелли – комсомолка, Люба – пионерка. Вполголоса они напевают одну итальянскую

мелодию. Нелли и Люба знают: ее любил петь дедушка Абрам. Среди вечернего благоухания цветов эта песня улетает жаворонком в чистое небо, А рядом с дочерью и внуками на скамейке сидит Гинда Брайнделис с седой головой и лицом, испещренным морщинами, и всем знакомым говорит:

- Вот и выросло третье поколение. Пусть оно будет счастливым.

Л. ВАССЕРМАН.

Перевел с еврейского Ш. Коник.

ХАНЕЛЕ

Она лежит, неестественно вытянувшись на носилках, бледная, без единой кровинки на вдруг исхудавшем лице. Где вечно смеющиеся глаза Ханеле?

Ее привезли в больницу ночью. Старый доктор, морщась, как от горечи, печально рассказывает:

- На несколько часов просила освободить от ночного дежурства. По личным делам. Она так и сказала «по личным...».

Я знакома и дружна с ней давно.

В краткой детдомовской анкете Ханеле Мильман записано: «Родители погибли во время войны»...

Трудно точно сказать, что нас сблизило. Что может сблизить взрослого и ребенка? Но мы с ней крепко подружились. Я часто заходила к ней, по выходным она гостила у меня. Сидит, бывало, на диване, читает: только сидит и читает, а в доме становится теплее и уютнее...

После семилетки она поступила в медицинское училище. И гордилась своим белым халатом, мудреными названиями учебных предметов, гордилась, что станет медсестрой. С забавной важностью рассказывала о преподавателях, лабораториях, анатомичке. Ее живой милый характер чрезвычайно соответствовал веселому быту студенческой коммуны.

...Это произошло когда Ханеле училась на четвертом курсе. Она прибежала ко мне и долго говорила о каких-то пустяках. Неожиданно, оборвав фразу, не глядя в глаза, сказала:

- Я хочу познакомить тебя с Виктором...

...У Биры на песке ветер играл ее легким белым платьем, растрепал светлые волосы. Желтые песчинки, прилипшие к ее ногам, как топазы переливались и блестели в бликах солнца, отражавшихся от воды. Заслышав шаги, Ханеле подняла голову, и ее полуоткрытые губы нерешительно улыбнулись.

Виктор стоял рядом. Как многие красивые мужчины, которые знают, что они красивы и хотят понравиться, он нагловат и развязно небрежен.

- Теперь я понимаю, какое золото можно найти на дальневосточных реках, - сказал он, поздоровавшись со мной и кивнув на девушку.

Потом он обнял Ханеле за плечи и продолжал со снисходительной улыбкой:

- Она прелестна, не правда ли?..

Ханеле посмотрела на него и, встретив взгляд его холодных, зеленых глаз, опустила голову. Как я потом узнала, его родители разошлись, когда Виктору не было и десяти лет. Мальчик воспитывался у чужих людей, но отец с матерью, как бы стараясь искупить свою вину перед ним, посылали ему много денег. Он ездил то к отцу, то к матери, подолгу жил у них, но чувствовал себя лишним.

Когда Виктор жил с родителями, он учился играть на скрипке, у него были способности, но потом он забросил занятия, еле-еле окончил техникум и стал работать в Мурманском порту.

В наш город Виктор приехал к тетке, в отпуск, и отпуск этот заканчивался. Звал Ханеле с собой в Мурманск, но она отказалась. Ей хотелось закончить последний курс, стать медсестрой.

...Это был их последний вечер, и Ханеле шепнула ему, что скоро она станет матерью, а он – отцом, что мальчик – конечно, родится мальчик! – будет похож на него, на Виктора.

Эту новость Виктор встретил без особого энтузиазма,

Ханеле пришлось проглотить и эту обиду. И она потухла, поникла... А Виктор уехал.

В родильном доме она старалась быть веселой, рассказывала, что муж уехал работать на Север. Ей казалось, что никто не видит ее притворства, не знает, что она плачет по ночам...

Когда мужья ее товарок по палате приходили к окнам, приносили цветы, кричали что-то ласковое и веселое своим женам и новорожденным, она молча лежала на кровати, закинув руки за голову и глядела прямо перед собой. И улыбалась, когда видела повернувшиеся к ней лица радостных женщин.

Она посылала в Мурманск телеграммы и письма, сообщила, что родился сын, что назвала его Аликом, писала о своей любви, о тоске и одиночестве, но Виктор молчал. И не радовалась ни цветам, которыми ее встретили сотрудники, ни новей благоустроенной квартире.

Я уговаривала ее потребовать алименты для мальчика. Ханеле посмотрела на меня удивленно и сказала:

- Видишь ли, мой сын не нуждается в деньгах. Алик должен иметь отца, пойми это.

И все же удалось уговорить ее послать запрос в Мурманский порт, выяснить, где Виктор, почему молчит, не отвечает на письма. И ей ответили, что он по-прежнему работает в порту.

Время шло. Алик подрастал, а Ханеле все надеялась. Все ждала, что вот откроются двери и войдет Виктор, жалела, что не поехала с ним в Мурманск сразу, но в глубине души чувствовала, что если бы даже и поехала, то не многое изменилось бы для нее. Она стала понимать, что холод в его зеленых глазах был холодом его сердца. И все же она ждала и надеялась.

И вот однажды... Ах, как измелилась она, как засветились ее глаза, как сияло лицо, как порывисты стали ее движения! В тот, вечер она, почти задыхаясь от восторга, протянула мне письмо и воскликнула:

- Видишь! Ты видишь, он не забыл меня! Нет, не забыл!

Виктор писал: «Дорогая Ханеле, прости, что я долго молчал. Не могу все рассказать в письме. Прошу тебя, переговорим по телефону. Я все расскажу. Хочу услышать голос нашего сына. Возьми его с собой на переговорный пункт».

Я подозревала, что неспроста вдруг вспыхнули в Викторе отцовские чувства... Но ничего не сказала Ханеле.

Телефонный разговор был назначен на два часа ночи. Вот почему Ханеле просила доктора освободить ее от ночного дежурства.

Она сняла пальто, укрыла спящего сына и села, вдруг застыв, обхватив голову руками. В зале было тихо, как бывает только ночью, когда многие звуки исчезают, и слух обостряется. Ока слушала монотонные «тик-так» часов и ждала.

Кто-то вышел из боковой кабины. Хана почувствовала чей-то пристальный взгляд и подняла голову. К ней шел Алексей Павлович, майор, с которым она несколько раз виделась в сквере, когда гуляла с Аликом.

Сегодня он был радостно взволнован и сразу же стал рассказывать, что звонил в Москву, что у Оли, у его дочери, день рождения, исполнилось семь лет, что вот сейчас они с дедушкой и бабушкой собрались за праздничным столом, а он поздравил их, а у Оли такой звонкий голосок...

Хана молча слушала: ей совсем не хотелось разговаривать и думать о чем-то постороннем. Ей пришлось напрячь свою память и вспомнить, как он рассказывал, что жена его недавно погибла в автомобильной катастрофе, что маленькая Оля живет с его родителями в Москве.

- А вы? - перебил себя Алексей Павлович, - что вы тут делаете? Да еще с сыном? Ночью?

- Я пришла поговорить со старым знакомым, - тихо ответила Хана.

И то ли потому, что лицо майора, его озабоченность напомнило ей о детских годах, когда еще был жив отец, а, может быть, потому что поздно ночью Алексей Павлович пришел поздравить свою дочь, - она сказала:

- Я не должна была, наверно, приходить. Он слишком меня обидел... Но мой мальчик... Он должен иметь отца.

- Мурманск, вторая кабина! – прервал их разговор голос телефонистки.

Хана вздрогнула, подхватила спящего сына, побежала к кабине.

- Алло, алло! Ты слышишь меня, Виктор? Алло! Это я, Хана! Алло! Что ты молчишь? Ты слышишь меня?

А оттуда, из Мурманска ей ответил равнодушный голос:

- Абонент на переговоры не явился.

Хана просила, кричала, кому-то угрожала, но оттуда, из Мурманска слышно было только, как скребется и плачет ветер...

- Позвольте мне поговорить с вашим сыном, - вдруг услышала она голос Алексея Павловича, - позвольте, прошу вас.

Хана прижала трубку к уху мальчика и слушала, как сквозь плотную вату, слушала, как сын зовет отца, просит его приехать. «Ведь, я так давно тебя жду!», - говорил мальчик.

А потом она потеряла сознание.

В воскресенье к Ханеле пришли друзья. Они старались развлечь ее, как могли, чем-то утешить. Валя Дужкина, одна из бывших пациенток Ханеле, не отходила от нее весь день: причесывала ее, поправляла подушки, гладила ее руки...

А вечером пришел Алексей Павлович. Когда Ханеле увидела его фигуру, его растерянное лицо, она вздрогнула и закрыла глаза...

Алексей Павлович долго сидел у ее кровати, держал ее руки в своих руках, потом вдруг торопливо стал прощаться и, как будто только решившись, сказал:

- Ханеле... Сын должен иметь отца... Вы сами сказали... Вы помните? Ночью на телеграфе... Ваш сын говорил со мною, как с отцом... Вы помните?

Две слезинки покатались по щекам к ее губам и разбудили нежную, грустную улыбку, осветившую ее глаза, сделав прекрасным ее лицо.

- Сын должен иметь отца... Да, я помню, конечно... Вы правы. Алексей Павлович. - И повторила: «Я согласна».

ЖИВАЯ КРОВЬ

На усадьбу четвертого отделения совхоза, что раскинулась неподалеку от бурной, стремительной реки, посреди ночи пришла беда. Заведующая медпунктом, совсем еще молодая, малоопытная – ее по молодости лет и звали-то на селе не по имени-отчеству, не по фамилии, а просто Валя – металась в тесном помещении, не зная, что еще сделать, чем помочь исходившей кровью Ольге Зубко, звеньевой овощеводческой, бригады.

Молодую женщину не успели, вернее не смогли, отправить в роддом, и она родила своего первенца здесь, в сельском медпункте. Казалось, все идет нормально, но начавшееся кровотечение все усиливалось, и сейчас Ольга лежала совершенно обессиленная, и Валя при всей своей малоопытности понимала: если не сделать переливание крови, случится страшное. Смерть придет туда, где только что народилась новая жизнь. И она, Валя, никогда, никогда не сможет себе этого простить. И ничем не искупить ей своей вины перед молодой матерью, которая умирает, успев посмотреть на новорожденного, перед ребенком, которому расти без матери, перед Николаем Зубко, который хлопчет там, возле дамбы, на своем тракторе, ни о чем другом не думая, даже не подозревая, что ждет его, когда он под утро вернется домой.

Но в чем, в чем ее, Валина, вина? В том, что ей никогда не приходилось делать переливания крови и она не знает, как за это взяться? Она, может быть, и рискнула бы, но ведь нет ни инструмента, ни крови. А до больницы четыре километра, и туда не доберешься, потому что вот уже две недели, как, не переставая, идут дожди. Вышедшая из берегов, разлившаяся, как море,

река, залила все вокруг, затопила, размывла дорогу. Может, и телеграфные столбы подмыла. На линии, видно, крупная неисправность, и Валины частые, настойчивые звонки то в больницу, то на квартиру к главврачу Анне Михайловне Розенблюм не доходят.

Наконец дозвонилась... Какое счастье! Слезы брызнули из глаз от внезапного чувства облегчения...

Звонок прозвенел, едва Анна Михайловна перешагнула порог своей квартиры. Трудный выдался в больнице день, задержалась допоздна, ужасно устала, но на полный тревоги и мольбы рассказ заведующей медпунктом ответила голосом твердым и ровным:

- Сейчас же выезжаю и постараюсь добраться как можно быстрее. А вы там вот что... – и отдала необходимые распоряжения.

Позвонила в больницу. Велела немедленно седлать двух лошадей – одну для себя, другую для лучшей медсестры Дины. С Диной долго объясняться не пришлось, та все поняла с полуслова и через каких-нибудь десять минут уже стучалась в дверь:

- Все готово, едемте, Анна Михайловна.

Медсестра Дина – урожденная таежница. Врач Анна Розенблюм – уже немолодая, приехала в здешние края сразу после войны. Как и все здесь, закалилась в трудностях освоения таежной целины. Двух женщин не пугало предстоящее ночное путешествие. Однако и их взяла оторопь, когда позади осталась усадьба с мерцавшим в кромешной тьме одним-единственным огоньком и со всех сторон обступила стена дождя – такая плотная, что, казалось, через нее, как сквозь лес, надо прорубаться с топором в руках.

Но не скверная погода и не превратности предстоящего пути тревожили женщин, И не об этом они озабоченно переговаривались, перекрывая шум непрекращающегося дождя и хлюпанье воды под копытами лошадей. Их тревожило и угнетало выявившееся в последнюю минуту обстоятельство. Запас консервированной крови в больнице как раз сегодня, к вечеру, иссяк. Все из-за этой проклятой непогоды – не смогли своевременно пополнить. Машина либо верховой должны были прибыть с часу на час, но ведь ждать нельзя. И вот они едут и не знают, что предпримут, если без переливания крови никак нельзя будет обойтись.

Из дому выехали в двенадцатом часу ночи, а добрались к месту уже далеко за полночь.

В помещении, где лежала роженица, пахло свежеструганным лесом. Пол еще не совсем был закончен, и доски при каждом шаге колыхались.

Уставшая за непомерно длинный рабочий день, измотанная верховой ездой по бездорожью, Анна Михайловна хотела было присесть, но, взглянув на больную, тут же встала с места, сбросила с себя пальто и быстро начала мыть руки.

На бескровном лице больной жутко желтели приспущенные веки и выглядывавшие из-под разбросанных волос мочки ушей. Пульс прощупывался с трудом. Глубоко-глубоко в этом молодом и красивом теле еще теплилась искорка жизни. Только искорка. И от нее, от врача Анны

Розенблум, зависело, возгорится ли вновь из этой искорки живое пламя или она угаснет навсегда.

Раздумывать было некогда.

- Камфору! Глюкозу!

Анна Михайловна почувствовала себя в эти минуты, как на фронте, когда ей приходилось бинтовать, оперировать раненых под вой и разрывы бомб, снарядов и мин. И как обычно в час высокого душевного напряжения, она увидела погибшего на войне мужа. Безмолвной тенью промелькнул он перед ней и скрылся, чтобы не мешать.

Но ни камфора, ни глюкоза не действовали. Они не в силах были помочь человеку, который уже находился больше там, по ту сторону бытия, чем здесь, среди живых.

И тогда Анна Михайловна велела готовить еще одно ложе рядом с постелью роженицы. И стала стягивать с себя кофточку.

Никому здесь не надо было объяснять, что собирается делать эта пожилая женщина.

- Нет, нет, - первой спохватилась Дина. – Это невозможно, это нельзя. При вашем здоровье, да еще после такой дороги. Вы себя убьете! И почему вы? Почему не мы с Валеи? Мы молодые, с нами ничего не станется.

- Не люблю пустых разговоров! – Анна Михайловна решительно и нетерпеливо отстранила приступивших к ней девушек. – Зачем зря время терять. У меня кровь первой группы, пригодная для всех. А кто знает, какая группа у больной. Прошу вас, сделайте, что полагается.

И вот уже Анна Розенблум лежит на лавке рядом с Ольгой Зубко. Дина вонзила иглы в вены сперва донору, затем пациентке. Одной ту же перетянула руку, другой – высвободила. Резиновыми трубками соединила шприцы, и кровь медленно, капля за каплей, потекла из одного тела в другое...

Анна Михайловна лежала с закрытыми глазами. Белый халат еще больше оттенял, бледность лица и почему-то виднее стала пересыпавшая голову седина.

А Дина и Валя с надеждой и трепетом наблюдали чудо возвращения к жизни больной, которая сейчас им была дороже и ближе самого родного и близкого человека. Порозовели веки, нежным лепестковым светом засветились мочки ушей, слегка распустились все еще синие губы. Больная задышала жадно, жарко. Живая кровь, прихлынувшая к сердцу, взбудоражила ее всю, и она стала тихо, протяжно стонать.

Обе – донор и пациент – очнулись одновременно. Девушки засуетились возле Анны Михайловны, стали ей вводить глюкозу.

Потом купали новорожденного.

- Девушки, - еще слабым, прерывающимся голосом попросила врач, - поосторожнее, девушки. Температура воды... не слишком ли... высокая...

Между тем за окном уже начало светать! Протарахтел подъехавший к забору трактор. В помещение вошел Николай Зубко, весь мокрый, измазанный в глине, с красными от бессонной ночи глазами.

- Ну вот, - сказал он, оглядываясь по сторонам, - слава те, господи, подправили дамбу.

- И вдруг замолк, увидев лежавшую на лавке рядом с его женой Анну Михайловну. Сделал шаг в их сторону и остановился, вконец растерявшийся.

- Ничего не понимаю. Что здесь происходит? Что случилось, Ольга?

- А то случилось, - преградила ему путь Дина, - что с сыном вас поздравляем, вот что.

Когда Дина через некоторое время открыла окно, небо над селом было словно насквозь промытым, чистым, глубоким и синим. В тот же миг из-под крыши дома взмыла стая голубей и стала кружить в воздухе – верный признак, что ненастью конец.

Ночные страхи остались позади, хотелось шутить, смеяться. И Дина поддела Валю:

- Перепугалась же ты. Смотрю, дрожит, как осиновый лист. Ну и я туда же. А еще медработники. Вот бы люди видели...

И обе девушки расхохотались, лишь сейчас почувствовав, как смертельно устали за эту тревожную, бессонную ночь. Они еле держались на ногах...

Перевел с еврейского Н. ФРИДМАН

МОЯ ПОДРУГА МАША

Когда я прочитала в сводке генерального штаба Красной Армии о том, что наши части перешли реки Муховец и Буг, мне вспомнилась жуткая тайна, которую эти реки таят в себе, - история гибели белорусской девочки, моей подруги Маши.

...Три дня и три ночи просидела Маша, в брестской больнице у постели больной матери, а на четвертую ночь мать умерла. В похоронном бюро у Маши потребовали документы, запросили большую сумму денег за похороны. Маша ничего не понимала. Ей было всего 14 лет. Когда на пятый день ее мать кое-как похоронили, Маша решила ехать домой в деревню. Собрав в узелок оставшуюся одежду своей матери, она, надвинув на опухшие от слез глаза свою помятую шапочку, пошла к вокзалу.

Вокзал Брест-Литовска ее оглушил. Впервые она очутилась здесь одна. Растерянно стояла она в шумной толпе, среди путаницы рельс и проволоки. Она заблудилась в этом здании, в его многочисленных дверях и не могла разобраться, где вход и где выход. Изголодавшаяся, озябшая, искала она теплый уголок, чтобы отдохнуть и обогреться.

Вдруг она встрепенулась. «Поезд, отходящий на Холм, стоит на третьем пути», - разнеслось по вокзалу. Она поспешила к кассе, купила билет и вышла на перрон. Раздался второй звонок. Она быстро бежала, бросаясь от одного вагона к другому, но нигде ее не впускали. Все вагоны были переполнены польскими легионерами. Увидев их четырехугольные шапки, Маша догадалась, что это те самые жестокие «галлерщики», в которых она слышала столько ужасов. Она задрожала и хотела убежать. Но куда? Остаться в Брест-Литовске, где у нее нет никого, кроме матери и отца на

старом кладбище, она не могла. Нужно ехать. Когда поезд уже стал отходить, Маша вскарабкалась на подножку вагона. Если бы не пронзительный осенний ветер с мелким, холодным дождем, она бы, возможно, доехала две остановки до станции Добица. Но ветер, усилившийся от движения поезда, стаскивал ее с подножки. Она старалась сжаться в комок, прильнуть теснее к стенкам вагона, но силы ее оставляли. Узелок уже волочился по земле. Вот, вот и она сама упадет под колеса. Неужели наступил конец? Ведь ей всего четырнадцать лет...

Вдруг сильная рука схватила ее сзади и потащила в вагон. Там было тесно и шумно. Пьяные легионеры толкались, плясали, ругались и хлестали пиво.

Маша старалась спрятаться в уголок, ей хотелось убежать, хотя бы обратно туда, на подножку, но дверь была заперта. Легионеры окружили ее пьяной ордой.

- Поручика! - кричали они. - Позвать поручика. Покажем ему жидовочку Хайку!

От страха девочка чуть не потеряла сознание, в ее голове все перемешалось. Ей казалось, что она все еще находится на старом кладбище, где похоронила свою мать, что из могил вылезли какие-то страшные чудовища и душат ее.

Кондуктор стал уговаривать легионеров.

- Панове, отпустите ее, - просил он их. - Она не еврейка. Это белорусская девочка.

- А, белоруска, мазурочка! – еще громче заорали легионеры. – Поручику, показать ее поручику.

Поезд замедлил ход. Под колесами загудел железный мост над слиянием рек Глуховца и Буга. И вот поручик спокойно и хладнокровно сказал:

- Панове, хватит, позабавились. Кончайте.

Маленький пьяный капрал понял намек поручика. Он приоткрыл окно вагона и, как выбрасывают ненужную вещь выбросил в окно мою маленькую подругу – девочку Машу.

...Многое претерпел ныне освобожденный белорусский народ. Никто, пожалуй, и не помнит о том, что жила когда-то такая девочка и как она погибла. Но прекрасные реки Муховец и Буг – свидетели многочисленных преступлений, совершенных польскими палачами на белорусской земле – сохраняют память о погибшей 14-летней белорусской девочке – моей подруге Маше.

ПОДРУГИ

- На данном этапе прежде всего – строительство, - разглагольствовал Юра Горшман в кругу своих попутчиков. - Вот, я, например, хоть и механик, но на Дальнем Востоке буду работать каменщиком...

Юрино заявление было встречено в вагоне без энтузиазма – на этот раз, по путевкам комсомола ехали специалисты, и каждый отстаивал свою профессию. Но единомышленники всё же нашлись. Вернее, единомышленницы. Подруги Мина и Маша горячо поддержали Юру: конечно, легче всего приехать на готовенькое и спокойно работать в заводском цехе, а вот строить новое предприятие, новые дома куда труднее и романтичнее. На данном этапе...

Девчат нисколько не смущало то обстоятельство, что о стройке у них было весьма смутное представление, между тем, в большом – на двоих – чемодане лежали новенькие дипломы, утверждающие, что их владелицы – технологи швейного производства...

Трое новоявленных строителя сошли с поезда в молодом городе на берегу бурного притока Амура. В горисполкоме Машу, Мину и Юру принял грузный пожилой человек в роговых очках. Глаза его светились пронизательностью и едва уловимой лукавой добротой.

- Все трое пойдете ко мне.

Мина потупилась, Юра громко перевел дыхание, собираясь что-то сказать, но его опередила бойкая Маша:

- Куда это – к вам? - не без вызова спросила она.

Мужчина встал, загородив собой окно:

- Я директор швейной фабрики, - представился он. – Девушки с вашей специальностью нужны нам позарез, а вы, молодой человек, пойдете наладчиком оборудования.

Наступила пауза.

- На данном этапе... - начал было Юра, но, встретив сердитый Машин взгляд,

смущенно умолк.

...Совсем иной представляли себе девчата встречу с фабрикой. Вечером, вспоминая недоверчивые, испытывающие взгляды работниц, подруги переглядывались и вздыхали. Первой заговорила Маша:

- Наверное, зря тебя сразу, назначили мастером, а меня контролером. В цехе столько пожилых женщин... Честное, слово, они считают нас выскочками. Особенно эта, Гольдман, ее все «тетя Фая» зовут. Ты заметила?

Маша и Мина старались держаться ближе друг к другу. И по этому поводу языкастая тетя Фая бросила:

- Чтоб я была так здорова, как эти подружки начнут тут устраивать хороший бой. Вы видели, чтоб мастер и контролер жили в мире?

Сказала – словно в воду глядела...

В те дни вышло в свет постановление правительства об увеличении выпуска и улучшении качества детской одежды, пошивом которой и

занималась Минина бригада. Надо было многое продумать, изменить, улучшить. Тут уж не до личных обид и переживаний. Маша заявила подруге:

- Пусть тетя Фая что угодно говорит и как угодно гримасничает, а мы будем шить по-новому, будем шить красиво и прочно. И следить за этим в первую очередь должна я. Я не посмотрю, что мы родные, если что – буду возвращать брак без всяких скидок.

Они росли, как сестры.. Машу привезли в детский дом из осажденного Ленинграда, Мина потеряла родителей в Минске... Подружившись в детстве, девушки были неразлучны.

Они были совсем разные: Маша белокурая, с круглым лицом и ямочками на щеках, какая-то по-особому яркая, броская. Рядом с ней Мина, на первый взгляд, казалась невзрачной, но стоило приглядеться – и вы замечали женственность ее хрупкой фигурки, красивые тонкие руки и глаза – черные, с искорками...

Что касается характеров, то и тут у подруг было мало общего. Вспыльчивость Маши часто разбивалась о ледяное спокойствие Мины. В свою очередь, веселая открытая Маша благоприятно влияла на склонную к задумчивости и не лишённую некоторой мнительности Мину. Маша и в самом деле не пошла ни на какие уступки в борьбе за качество.

- С меня ты спрашиваешь за троих, - не удержалась как-то Мина.

- За двоих, - поправила Маша, - за нас двоих.

Но их все-таки было трое. На фабрике Юра сразу же почувствовал себя, как рыба в воде, и не заикался уже о стройке, так как «на данном этапе» главным оказалось, чтобы станки работали бесперебойно. То и дело прибывало новое оборудование, механизировались процессы шитья, и дел у механика было по горло. Однако он всегда находил время и повод, чтобы заскочить в цех детской одежды. Тетя Фая звала его не иначе как «наш жених» и всегда встречала материнской улыбкой. Умелый механик и занятый балагур, Юра завоевал в цехе всеобщую симпатию. Между делом он рассказывал фабричные новости, комментируя их так, что даже тетя Фая, по ее собственному выражению, «держалась за бока». Маша обычно не обращала на парня никакого внимания, но Юра не унимался до тех пор, пока краешком глаза не ловил чуть заметную Машину улыбку и только тогда убегал к стайкам. А у Мины в груди, скапливалась тяжесть... Она не помнила, когда это случилось, но случилось так, что она увидела в Юре не только товарища...

Однажды в ночную смену ее бригада отлично поработала. Передавая Маше большую партию нарядных костюмчиков, Мина ждала похвал. Но что это – Маша приняла лишь половнику изделий, часть пометила вторым сортом, а остальные... забраковала.

- Надо переделать, - сухо сказала она, - опять напортачили.

Мина пулей вылетела из цеха.

Целый день лил дождь, и тяжелые низкие тучи, закрывая, ночное небо, предвещали пасмурный рассвет. Мина впервые почувствовала себя

одинокой. Она прислонилась к старой осине и залилась слезами. Здесь и нашла ее встревоженная Маша.

- Микояна, родненькая! Ну зачем ты так...

Теперь уже всхлипывали обе. В цех они шли обнявшись.

Мина любила приходить на фабрику ранним утром – первой, когда вокруг стояла такая тишина, что слышен стук собственного сердца. В цехе мастер проверяла: все ли готово к началу смены, раскладывала детали, чтобы работа сразу входила в ритм. Но однажды, отворив дверь и окунувшись в море света люминесцентных ламп, Мина поняла, что кто-то ее опередил. На рабочем месте сидела тетя Фая. Поздоровались, помолчали. И вдруг Мина услышала ее голос – мягкий, тихий...

- Ты все еще сердишься на меня, девочка?

Мина даже вздрогнула от неожиданности, потом нерешительно пожала плечами:

- Н-нет. У каждого свои убеждения.

Тетя Фая вздохнула:

- Убеждения...

Мина решила взглянуть ей в глаза и увидела перед собой морщинистую, седую, прожившую, видимо, нелегкую жизнь, женщину. Совсем не ехидную, не злую, а задумчивую и очень уставшую.

- Я ведь еще до войны шила на этой фабрике, - говорила тетя Фая, - потом всю войну... Только работали мы в другом помещении... темном, деревянном. Мы его сами построили... А вокруг – болото, комары, словно край света.

Тете Фаяе многое хотелось сказать этой скромной девушке-мастеру, а больше всего – признаться в том, что была неправа, когда, вместе с другими встретила подруг в штыхы: приехали, мол, на все готовенькое. Тогда она словно бы приревновала их к фабрике, в которую вложила всю свою молодость, все радости, заботы и печали. А ведь девушки-то оказались правы – шить надо лучше, по-современному... И вообще, они обе славные – работу любят, зла не помнят, за фабричную марку болеют...

Но ничего-то этого она не сказала, только еще раз вздохнула и виновато улыбнулась Маше, которая все поняла без слов.

День ото дня дела в бригаде шли лучше. Одежда принималась на контроле с первого предъявления. Однако Мину часто можно было видеть грустной, особенно дома, по вечерам. Она отказывалась от приглашений Маши и Юры пойти в кино, на танцы или просто к Бире, ссылаясь то на головную боль, то на усталость...

После горестных раздумий Мина решила уехать – ведь всем известно: Юра тянется к Маше. Пусть они будут счастливы, а она уедет. В один из свободных вечеров Мина забрела на вокзал. Неожиданно она встретила там парней и девчат, с которыми ехала сюда в одном вагоне. Они работали теперь на большом машиностроительном заводе.

- Мина! Где это вы с Машей прячетесь? Как Юра-каменщик? - засыпали ее

вопросами. – Обязательно приходите в субботу в наш клуб, а то закупились там, на своей фабрике...

Мина узнала, что молодежь пришла встречать новое пополнение. От дружеских рукопожатий, улыбок, шуток ей стало легко и радостно. Куда и зачем, собственно, нужно уезжать, если она уже успела сродниться с этим городом, с фабрикой, с тетей Фаей, которая оказалась такой хорошей женщиной... Бросить Машу – самого близкого ей человека...

- Мина!

Обернувшись, девушка увидела – вот еще сюрприз – тетю Фаю.

- А вы как сюда попали?

Тетя Фая оживленная, помолодевшая.

- Что значит «как»? С этим поездом приезжает мой Феликс!

С вокзала они шли втроем. Тетя Фая то и дело отставала, любясь высоким статным сыном и маленькой изящной фигуркой Мины...

А Мина долго не могла уснуть в ту ночь. Она с нежностью думала о Маше, без горечи – о Юре, а больше всего удивлялась самой себе – как могла ей придти в голову столь дикая мысль – уехать отсюда?!

Перевод с еврейского.

РЕКА МОЕЙ МЕЧТЫ

Мать дала ему имя Лейбе, но среди строителей парень был больше известен по прозвищу Мерагл, то бишь Непоседа. Добрался он в Тихонькую первым эшелонном переселенцев, а до этого в свои неполные двадцать уже поколесил-таки по стране, нигде подолгу не задерживаясь. Лейбе проявлял необычный интерес к рекам. Он знал их все, даже самые маленькие, что попадались на его пути от Днестра до Амура. Ничего удивительного, что Мерагл пришел в восторг, впервые оглядев амурскую ширь:

- Шуточки! Просто не сосчитать, сколько тут можно построить водяных мельниц! Да что там мельниц – электростанций. А где еще есть такая рыба? Нет, от такой реки Лейбе скоро не уйдет.

- Зачем уходить? Пора и о своем доме подумать, - резонно заметил парню пожилой бригадир Терентьевич. – Мотаешься по свету туда-сюда, будто потерял что-то...

лейбе не обижался:

- Не потерял, но должен найти. Есть где-то река моей мечты. Может, не разглядел я ее с первого взгляда. Поживем – увидим...

И он строил дома в Амурзете и других селах, учился на курсах прорабов, а когда вернулся в Тихонькую, то несколько не удивился, что на месте крохотной станции закладывался новый город, названный в честь двух рек. Лейбе невольно вспомнил седой угрюмый Биджан, и, возможно, поэтому Бира вдруг как-то по-новому ему приглянулась. Грациозно огибая высокую сопку, раскованно мчался к Амурчистый прохладный серебристый поток. Река таила в себе недюжинную силу и чарующую красоту. Мерагл был покорен. Впрочем, за годы странствий изменился и он сам: нескладный юноша-верзила превратился в широкоплечего видного мужчину. К тому же

он вернулся в город прорабом – главной фигурой на стройке. Собственно, города как такового в то время не существовало, разве что на чертежах и в сметах...

На одной из будущих улиц стояли невесть кем сооруженные хибарки, и невозможно было определить, где здесь четная, где нечетная сторона – все домишки значились под одним номером - 63. Главной же достопримечательностью улицы была лужа, которую точнее бы назвать болотом. Ветер чуть шевелил мутно зеленую жижу, и только черные пни, торчавшие по соседству, как гнилые корни зубов, оставались неподвижными. Иногда на болото падала радуга, отражаясь в нем всеми своими нежными красками. В такие минуты прохожие невольно верили в лучшее будущее этого мрачного места.

Конечно же, злосчастную лужу не могли миновать ни извозчики, ни водители грузовиков. Если в болоте застревала телега, ее еще кое-как вытаскивали, бросая под колеса доски, хворост и всякую ветошь. Ну, а попавшим в беду машинам приходилось ожидать трактор-тягач. Поэтому в пору летних дождей в луже, как правило, ночевали одна-две машины, отчего жители хибарок называли свое болото «Гаражом». Нужно ли говорить, что на улице никогда не смолкал шум – натужено гудели буксующие автомобили, ржали лошади, а что касается возчиков и шоферов, то их фольклорные выражения предназначались отнюдь не для печати. Иногда по улице возвращался из бани, что находилась по соседству, строй солдат. Разве могли они не внять просьбе бедолаге-водителя, застрявшего в болоте? Можете себе представить, какими чистыми возвращались красноармейцы в свою казарму!

И вот однажды на этом злополучном месте появился Лейбе. Поставил нивелирный аппарат, прищурил глаз... Жители хибарок высыпали на улицу: раз уж пожаловал Мерагл, значит, быть большой новостройке. Но никто не ожидал, что прораб возьмется за дело немедленно. А между тем по распоряжению Лейбе строители тотчас же начали рыть водосток и огораживать болото высоким забором. И тогда поднялся невообразимый гвалт. Вокруг ограды, как ошпаренные, забегали водители и гужевики, возмущению их не было предела:

- Посмотрите на этого Мерагла! – кричали они. – Каланча! Разбойник! (Это были далеко не худшие ругательства в адрес Лейбе). Среди бела дня берет и перекрывает дорогу, хулиган! Принесло его сюда на нашу голову!

Не то еще было, когда пришло время сносить хибарки. Первой заголосила тетя Бейле – грузная женщина в синем чепчике неизменном зеленом платье, усеянном от ворота до колен мелкими круглыми пуговицами.

- Перестань безобразничать! - вопила она на всю улицу, обращаясь к прорабу. - Чтоб я была так здорова, если тебе не придется за это ответить!

Лейбе, плотно надвинув фуражку на самые брови, хранил невозмутимое спокойствие. Ребята из его бригады молча занимались своим делом.

Однажды на стройке появилось новое лицо – девушка. Она приходила ежедневно и подолгу наблюдала за рабочими, которые уже возводили второй этаж. Странная девушка: постоит, посмотрит и не спеша продолжит свой путь в сторону швейной фабрики. А еще более странно, что первым обратил на девушку внимание толстый Пейсах, по прозвищу Увалень. Каменщик он был что надо, но в свободное время ленился, как говорят, и на кашу подуть. Бывало завалится в общежитие на кровать, не сняв спецовки, а очки у Пейсаха были заляпаны раствором так, что все диву давались, как он в них видит дальше своего носа. А тут надо же – девушку приметил. И никто иной как Увалень дернул однажды прораба за рукав – Лейбе в это время задумчиво созерцал вид на Биру с высоты второго этажа:

- Мерагл, хватит рекой любоваться. Я бы на твоём месте взглянул вниз - такое чудо рядом.

Лейбе выплюнул недокуренную папиросу, глянул в указанном направлении и словно оцепенел - состояние, в которое Мерагла всегда повергало смущение. Девушка была действительно хороша: легкого, изящного сложения, чернобровая и сероглазая. Лейбе машинально потянулся к вороту рубахи, из которой выпирала волосатая грудь, но увы – ни одной пуговицы не оказалось на месте. Пейсах понимающе усмехнулся:

- Беги, одолжи несколько у тети Бейле...

Оба продолжали глазеть на незнакомку, а она вдруг еще больше похорошела от улыбки:

- Мне кажется, вы о чем-то хотите меня спросить?

Пейсах просиял:

- Конечно, хотим. Говорят, к нам едет целый эшелон девушек. Правда? Я как раз невесту ищу.

Девушка поддержала шутку:

- Я и есть делегатка от того эшелона. Вот, если б вы отмыли от грязи лицо, а заодно и свои очки, то именно на вас я и обратила бы внимание.

Взрыв смеха свидетельствовал о том, что за разговором следили и другие рабочие. А Лейбе только улыбнулся и спросил:

- К нам работать не пойдете?

Девушка покачала головой:

- Нет, я уже устроилась на фабрику. В этом доме мне обещают квартиру. Мечтаю, чтоб досталась солнечная. Это с какой же стороны?

Получив ответ, незнакомка попрощалась.

Дом рос, хотя и не так быстро, как хотелось бы его будущим обитателям. Девушка приходила ежедневно, и все уже привыкли к ее присутствию. Но вот уже неделя, как сероглазая наблюдательница исчезла и опять-таки первым забеспокоился толстый Пейсах:

- Заболела, наверное, – предположил он. – Надо бы сходить в фабричное общежитие. – Я, между прочим, узнал, что зовут ее Хавой. И она – иностранка, из Палестины приехала.

А Хава действительно слегла. Горячий, как утюг, лоб, пылают щеки, потрескались от жара губы... Временами Хава забывается в тяжелом сне и,

словно наяву, видит давно пережитое: мать на земляном полу – по старым еврейским обычаям покойников всегда кладут на пол, прежде чем вынести из дома... Потом умер отец, и с тех пор у Хавы не стало родного дома. Были годы скитаний с дальними родственниками, полное одиночество на чужбине. И вот судьба забросила девушку в город на реке, которая сразу же приглянулась Хаве своей прозрачной чистотой и неумным нравом. Говорят, что тот ладный прораб помешан на реках, так неужели он не полюбил Биру... Ах, скорее бы получить квартиру! Ей, конечно, не плохо и в общежитии, девчата рядом хорошие, но должен же человек иметь свой дом...

Хаве почудился резкий стук в дверь. Нет, в самом деле стучат, а пригласить войти девушка не может – нет сил. Но дверь отворилась и на пороге – Лейбе.

- Мерагл, - прошептала Хава. – Ведь вас так называют...

Она протянула ему горячую руку, и Лейбе опустился на табурет возле кровати. Снова скрипнула дверь: Пейсах!

Конечно, он, хотя на этот раз Увалень совершенно не походил на самого себя – с ног до головы в обновках, очки сверкают, не единого пятнышка на стеклах.

- Азхен-вей! И тут Мерагл меня обскакал - цветы принести догадался, а я не подумал. И он положил на тумбочку большую коробку конфет.

Когда друзья ушли, Хава долго смотрела на гроздь сирени в банке с водой. Потом отведала трюфелей, которые Пейсах мог раздобыть только в вагоне-ресторане московского поезда, и почувствовала себя счастливой. Хава уже была уверена, что не зря приехала в Биробиджан, здесь она непременно вновь обретет родной дом. Сегодня можно обрадовать подруг – она чувствует себя полностью здоровой.

С этого дня Хава стала часто встречаться с Мераглом, и обычно они подолгу бродили по берегу реки или сидели на валунах у самой воды. Лейбе знал, что Хава также, как он, умеет слушать зыбкий голос Биры и чувствует очарование ранних сумерек. И однажды он неожиданно сказал:

- Нашел. Я все-таки нашел!

- Что ты имеешь в виду? – спросила девушка. – Опять реку своей мечту? Лейбе засмеялся:

- Реку тоже, а главное – мечту.

И впервые робко обнял Хаву.

Свершилось! Она держит в руках небольшой кусочек железа – ключ от квартиры – первого в жизни собственного жилья. Хава входит в комнату, озаренную лучами заката. И днем, и вечером здесь будет гостить солнце, как и обещал Лейбе. Хава выходит на балкон. Внизу ровная дорога, по которой деловито снуют машины, а от болота не осталось и следа. С соседнего балкона девушке улыбается тетя Бейле, и пуговицы на зелени кашемира кажутся очень яркими, а, возможно, это наконец, новое платье – в сумерках разве разглядишь...

Потом Хава долго бродит по лунным дорожкам пустой комнаты и улыбается. Уже поздно, но все равно она должна поделиться своей радостью

с Лейбе и Пейсахом, который уже не дуется на прораба из-за Хавы и вроде бы успешно ухаживает за младшей дочкой тети Бейлы.

Хава быстро спустилась с лестницы, а Лейбе уже ждал ее у подъезда. Какое-то время они молча смотрели в глаза друг другу, а затем счастливо рассмеялись. На Биру упали первые блики зари, когда они повернули к дому. По комнате блуждали тени рассвета, и Лейбе спросил:

- Зажечь свет?

Хава распахнула окно:

- Зачем? Уже восходит солнце...

(Перевод с еврейского).